МЕСТНЫЕ И ПРИЕЗЖИЕ СРЕДИ МАНДАРИНОВЫХ САДОВ

Мы, тридцать журналистов из двадцати стран Азии и Африки, приезжие. Прибыли в Израиль в международный институт Гистадрут с целью поучаствовать в курсе “Средства массовой информации — для развития аграрных регионов”. Целый месяц мы привыкали и к преподавателям, и к друг другу. И, конечно, набирались знаний и впечатлений. Поначалу все здесь удивляло. Сам институт расположен уединенно, в нескольких километрах от ближайшего городка. Международных групп было много, а назывались они по языку — русская, французская, испанская… Наша — английская. Объединяла коллег из англоязычных стран, для которых восприятие без напряга, и других, с английским сталкивающихся от случая к случаю. Целый месяц мы привыкали и к преподавателям, и к друг другу. И, конечно, набирались знаний и впечатлений.

“Не для копирования!”

“Что касается опыта Израиля, то для вас он неприемлем. У нас три процента населения

кормят всех остальных. В ваших странах иные пропорции. И копировать наш опыт бесполезно”, — с этого заявления профессор Зви начал первую лекцию. А сверхзадачу курса он объяснил нам так: “Мы, преподаватели, потратим время не зря, если вы через СМИ сумеете объяснить своим читателям, зрителям, слушателям, как надо “контачить” для успеха предприятия, как делать это в кооперативах, с продавцами и покупателями товаров, как создавать совместные проекты для развития аграрных регионов и их реализовывать, убеждая спонсоров давать деньги”.

Потому-то немалая часть времени оказалась посвящена искусству общения. Причем приобретенные знания журналисты тут же использовали на практике. В группе очень быстро выявились лидеры, наблюдатели, весельчаки, ораторы и даже мудрый вождь — принц из камерунской деревни, обучающий на досуге сотоварищей камерунским песням. А улыбчивая Фиби из Китая оказалась по-репортерски любопытной, и мы с ней на пару взяли немало интервью у коллег из Кении, Уганды, Танзании, Микронезии…

Но это было потом, а вначале мы погружались в общие проблемы. “Сколько процентов населения в ваших странах заняты в сельхозпроизводстве?”- спрашивали лекторы. А в ответ назывались цифры и в шестьдесят, и в восемьдесят процентов от общей численности занятых. Наши узбекистанские “под шестьдесят” поставили нас в тот же ряд государств с низкой производительностью труда и замедленным развитием. “Какие пути вы видите, чтобы его ускорить?” Это стало домашним заданием на несколько дней. Совсем не случайно нас разделили на три группы: каждую объединяла общая задача, которая побуждала не только искать решение, но и активно общаться, невзирая на качество языка. Вот тут и выяснилось, как по-разному мы думаем. Манмат из Индии утверждал, что азиатские и африканские страны подобны, и главный тормоз для них — слабая демократия: “Надо передать максимум власти на места, укрепив федеративное управление!” Обсуждая это предложение, африканцы заметили, что при многочисленности племен федерация может привести к распаду их государств: “Сильная власть не так уж плоха”.

Мы рассказывали о своих странах. И выходило, что они хоть и похожи, но не идентичны. Скажем, по уровню образования. Фе и Майет с гордостью говорили о том, что на Филиппинах 70 процентов грамотных, и это является хорошей базой для развития. Но Узбекистан значительно опережает: 99 процентов и среднее число лет обучения — более одиннадцати!

Тому же Манмату в это не верилось. А Самсун из Кении не мог осознать, что Узбекистан строит самолеты и выпускает автомобили. Пришлось поспорить, иначе бы включил в итоговый доклад характеристику узбекской промышленности как неразвитой. “Что вы экспортируете?” Главные статьи поступления валюты — золото и хлопок. Может, Самсун прав? Почему наша промышленность больше “для внутреннего пользования”?

Популярным был вопрос про соотношение местной валюты и доллара — так журналисты сравнивали уровень жизни. Но мой ответ вызвал дополнительные вопросы. “Большая разница между официальным курсом и курсом “черного рынка” при отсутствии свободной конвертации препятствует притоку иностранных инвестиций”, — заметил въедливый

Манмат. Между тем, как выяснилось, разница курсов официального и “черного рынка” до недавнего времени была и в Израиле. Обмен производился в банке с удержанием высокого процента. Вот и предпочитали люди “черный рынок”. Сейчас ситуация меняется: обменники открываются в магазинах, на автостанциях, в других местах. И разница в курсах валюты сокращается.

Кто — кричит, а кто — танцует…

Профессора и лекторы раз за разом призывали нас не копировать их опыт развития, но брать лучшее. Здешний “последний крик” — пластиковые заборы вдоль дорог для защиты от шума. Поскольку шум в окружающей среде не только является раздражающим фактором, но и нарушает сон, ведет к ишемической болезни сердца и гипертонии, то израильтяне стремятся от него загородиться. И от шума транспорта, и от музыки. Хорошо знакомых узбекистанцам ревущих динамиков у магазинов и рынков, в местах отдыха здесь нет. Тут говорят: “Не создавай другим проблем”. У каждого человека — свой мир, своя территория.

Про “свою территорию” нам немало толковала лекторша Эллен. “Как с этим обстоит в ваших странах? Насколько близко принято подходить друг другу при разговоре, прилично или неприлично смотреть собеседнику в глаза, на какое время можно опоздать, не извиняясь?..” Токс из Нигерии объяснила, что в ее стране смотреть собеседнику в глаза считается дурным тоном, Джейн из Танзании призналась, что она может рассмеяться на шутку, если разрешит муж, следом Самена из Эфиопии развеселил всех пониманием времени в его стране: “Можно прийти и в двенадцать ночи, если пообещал быть после обеда”.

“А мои сограждане любят очень бурно выражать эмоции, и, не зная об этом, вы решите, что они ругаются”, — сообщила Эллен. И тут же Аннекс из Кении продемонстрировала, как в ее стране отреагировали бы на повышенные тона: “Окружающие начинают напевать и танцевать!”

Для чего надо знать все эти поведенческие тонкости? Чтобы лучше понимать друг друга. В Израиле к ним относятся всерьез, ведь это страна иммигрантов. Здесь и итальянцы, и русские, и аргентинцы, и марокканцы… Впрочем, почти во всех случаях речь идет о евреях, а “национальность” определяют по языку, с каким приехали. Мой бывший соратник по перу кореец Слава Ким здесь тоже славянин. В один из выходных я побывала в Пардез-Хане, где живет его семейство.

Все хотят учиться

Пардез-Хана считается поселком. Его местное население, в большинстве своем никогда не занимавшееся сельским хозяйством, борется против предоставления поселку статуса города. Почему? Тогда тут начнут строить многоэтажные дома, а люди предпочитают цветы, сады и тишину. Садов здесь хватает, но было еще больше. Мандарины-апельсины являлись главной статьей экспорта Израиля. В конце семидесятых сады или рощи, как их тут называют, стали вырубать, так как потребовалось строить дома для новых репатриантов.

Первенство в экспорте мандаринов Израиль уступил Испании. Но стал экспортировать высокие технологии, разработкой которых занялись “русские”, прибывшие из Союза.

“Они изменили менталитет израильтян, — рассказали бывшие ташкентцы Слава и Лена. — Высшее образование стало очень престижным, хотя еще несколько лет назад было иначе. Образованные получили чистую работу и имеют высокие вознаграждения. Теперь и многие местные израильтяне признали, что надо давать детям качественное образование”.

В семье моих друзей две дочки. Старшая заканчивает школу. Ивритом и английским

владеет, как родными. Какие у нее шансы поступить в вуз? “Любой, решивший учиться в вузе, должен пройти тестирование, отвечая на вопросы не только из разных областей знания, но и психологические. К тестированию можно подготовиться на двухмесячных курсах, которые стоят денег, так же, как и сам экзамен”.
Школьникам курсы обходятся дешевле, чем закончившим школу. Тестируйся хоть всю жизнь, только плати. Тестовые экзамены проводятся четыре раза в год. Женя, дочка, сдавала экзамен зимой и заранее знает свои шансы на зачисление. Может подать документы в любой из шести университетов страны на биофак, химфак, многие другие факультеты. Но по баллам она не дотянула до медицинского и потому хочет сдавать психометрию снова. Впрочем, сразу после школы отправится не на университетскую скамью, а в армию — в разведку. Сюда получила приписное свидетельство, и вся родня ей гордится, так как и тут был конкурс.
Служба в армии для юношей и девушек — норма. Отслужат, могут подать документы в любой вуз. Отбор будет сделан в зависимости от баллов по результатам тестирования и в аттестатах. Так что, школьник, учись лучше!
Я слышала, как мама Лена вдохновляла младшую Юльку. Ей это делать совсем не трудно, потому что сама студентка. “Зачем тебе снова учиться?“ — допытывалась я у подруги. Была хорошей журналисткой и даже книжку издала, но попробовала себя в разных сферах и поняла, что ее призвание — социальная помощь. Заметки в газеты и сейчас время от времени Лена пишет, а работает… У нас в Узбекистане такого учреждения нет, да и у них в Израиле оно возникло недавно. Родители с одной бедой — не вполне умственно нормальными детьми — объединили финансы, нашли спонсорскую поддержку и создали пансионат. В нем снимают квартиры для выросших детей, а задача Лены, и таких как она, — помочь им адаптироваться к взрослой жизни.
“Без диплома по профессии роста не будет”. А он состоит не только в том, чтобы сделать карьеру, но скажется и на заработке. Пока же в бюджете не доходы, а расходы. Плата за обучение в университете составляет около трех тысяч долларов. Для семьи это увесисто. Сколько получают, работая вдвоем? По израильским меркам достаточно, но часто месяц заканчивают в минусе. “У вас есть у кого занимать?” Я-то подумала о пожилых родителях, к которым прежде они бежали в трудную минуту. Но в Израиле иначе: взрослые дети занимают деньги в банке. Допустим, семье не хватило тысячи шекелей. Банк их дает без всяких условий, потому что каждый месяц триста шекелей семья кладет на счет НЗ. Но сумма в минусе, к примеру, перевалила за три тысячи. И тогда банк извещает клиентов о необходимости расконсервировать “неприкосновенный запас”. Таким образом, банк ничем не рискует — семья финансирует свой минус сама. При этом банк в выигрыше — у него всегда есть деньги в запасе. В выигрыше и семья — может делать большие покупки. Так была куплена машина, внесен пай в строительство коттеджа. Расплачиваться за жилье придется лет тридцать. И поэтому принципиально важно иметь работу. Лена, поступив в университет, будущее себе обеспечила. А Слава? Он ушел из журналистики и работает на большом складе дерева. Недавно закончил курсы, как пошутил, — кладовщиков.
Что ему дает это свидетельство об образовании? В случае потери работы, а Израиль переживает кризис, и безработица достигла десяти процентов, он зарегистрируется на бирже труда и будет получать в течение полугода восемьдесят процентов от нынешней зарплаты. При этом ему станут предлагать работу только по специальности. Безработному без местной “корочки” на бирже предлагают мыть посуду, подметать улицы. Трижды откажешься — и потеряешь пособие. Слава себя обезопасил, как и хозяин, заинтересованный в добросовестном работнике и потому оплативший учебу.

Почему вместо птичников открывают теплицы?
Безработица и банкротства в процветающей стране иностранцу малоприметны. У производственных зданий дизайн, как у культурных центров. О том, что продаются, сообщается на иврите на огромных плакатах, хорошо видных с дороги.
Если птицефабрики разоряются, то теплицы расширяются и процветают. В чем тут секрет? Их владельцы уловили спрос. С вырубкой мандариновых рощ, с очень плотной застройкой в новых районах людям нечем заняться в выходной, негде отвести душу. Таким местом и становятся теплицы. Здесь выбирают семена или рассаду для своих крошечных садиков. А тут уже готовы их образцы, разные по площади и затененности. Приценивайся, покупатель, любуйся, выбирай. Тут же хозяева устраивают живые уголки и аттракционы для детей.
Теплицы работают и в субботу. Для иностранца в этом ничего удивительного нет. Но местные воспринимают это как большое достижение. Владельцам теплиц пришлось выдержать мощное сопротивление ортодоксов, считающих, что в субботу нельзя палец о палец ударить. Вечером в пятницу на сутки в стране останавливается общественный транспорт, закрываются магазины, кафе, рестораны. Но далеко не все в стране ортодоксы. Многие и вовсе не религиозны. Так что теплицы для них — развлечение. А для владельцев — бизнес.

Здесь — рыночная экономика. Но у рыночных законов есть исключения, которые очень многие репатрианты из бывшего Союза не могут понять и потому ропщут: почему мы должны содержать чужих здоровых мужиков, их жен и детей? Они имеют в виду все тех же ортодоксов, которые всю жизнь изучают Тору, молятся и не работают. Их содержит государство, а на детей платит пособие. Сумма складывается из налогов работающих. Налоги высокие, и люди недовольны. Но есть и немало сторонников у такого антирыночного порядка. Государство, считают, держится на иудейской вере. Именно она объединила евреев, за две тысячи лет разбредшихся по всему свету. “Пусть ортодоксы молятся, а мы будем работать!”
Живут они компактно. В шабат не готовят пищу, не садятся за руль автомобиля. Многие их ограничения современному человеку, тем более рыночнику, не понять. На лекциях в Гистадруте, мы, иностранные журналисты, настойчиво выпытывали у лекторов, как страна может развиваться, нарушая рыночные законы. Можно им — можно нам?
Подискутируем, профессор!
То, что говорил на лекциях профессор Зви, совершенно не стыковалось с нашими представлениями о развитии аграрных регионов.
Он утверждал: три процента населения Израиля кормят всю страну, отправляют товар на экспорт и обеспечивают десять процентов национального дохода потому, что здесь не нарушают рыночных законов. А в наших азиатско-африканских странах 60-80 процентов населения, живущего в сельской местности, не могут прокормить не только “того парня”,

но и себя, потому что… Зви выразил удивительную мысль: “Когда правительство поддерживает сельское население, оно стимулирует бедноту”. И добавил: “Все предпринимаемые сверху реформы проваливаются. Помощь большинству — в помощи единицам!” В общем, он все свел к тому, что это мы нарушаем законы рынка, и потому малоуспешны.

Наша журналистская аудитория с трудом переваривала эти утверждения профессора. Еще бы, практически в каждой из двадцати стран, которые мы тут представляли, рост продуктивности сельского хозяйства является главным вопросом. И ради этого роста вводятся системы государственного регулирования и поддержки, тратятся громадные бюджетные средства. А он утверждает, что все это не нужно! А что нужно?

Ответы — по очереди. Сначала о государственной поддержке села: “Вы повысите продуктивность, при этом вырастет безработица, безработные поедут в город. Дальше ждите социального кризиса”. Впрочем, Зви не очень-то старался нас убедить. Двадцать стран — двадцать примеров аграрных реформ. “Как у вас?”

Джейн из Танзании рассказала, что после провозглашения независимости в начале шестидесятых каждая деревня была объявлена коммуной. Производительность не подняли, идея провалилась. Стивен из Уганды поведал, что в его стране в ходе реформы производительность подняли, но уперлись в другую проблему — переизбыток продуктов на рынке. В деревне растет безработица. Безработные нанимаются воевать, поскольку страна воюет с соседями и внутри сражаются противоборствующие группировки, а служба в армии платная.

Журналисты из Китая вспомнили, что в шестидесятых годах в их стране все крестьяне были членами кооперативов. Уровень производства был низким, и люди голодали. В девяностые землю раздали семьям, производство резко выросло, но цены стали столь низкими, что крестьяне теряют интерес к земле. Идет отток в город. Растет число безработных.

“Важно сократить сельскохозяйственную безработицу!” — отметил вроде бы очевидную вещь Зви и рассказал об опыте своей страны.

Чем хороша идея

То, что опыт Израиля не годится для копирования, нам на лекциях много раз повторяли. Эта территория в середине столетия представляла собой песок, камни и обглоданную козами и овцами почву. Жили тут оседлые арабы, бедуины-кочевники и немногочисленные еврейские поселенцы. Находились под протекторатом Великобритании. У нее-то и покупались земли с начала сороковых для молодежи из разных стран, одержимой идеей возвращения на землю предков.

Они приезжали из Аргентины или, скажем, из Польши, на голом месте разбивали палатки и своим небольшим дружным сообществом строили коммунизм. Но этот опыт нам не подходит. В Танзании, когда хотели его повторить, сожгли деревни и выгнали людей на новые места начинать все с нуля. Джейн сказала, что этот путь прошли и ее родители. Люди очень намучились. А кончилось дело тем, что они вернулись на пепелища устраивать жизнь заново.

Израильские кибуцы-поселения были успешны потому, что людей объединяла общая идея. Таких энтузиастов в начале пятидесятых после провозглашения независимого Израиля приехало более миллиона человек.

Говоря все это, Зви хотел нам объяснить, почему с самого начала в сельских поселениях-кибуцах новоселы занялись не только возделыванием земли и животноводством, но и промышленным производством. На покупку необходимого денег не было. Вот и осваивали выпуск готовой продукции, получая на это банковские кредиты. Из

чего складываются нынешние десять процентов национального дохода? Здесь, на селе, выпускают электронику, игрушки, ювелирные изделия, строительные материалы, пекут пирожные, птицефабрики преобразуют в громадные рынки… Обеспечивают работой и своих, и жителей соседних городков. Если часть молодежи и уезжает, то не потому, что здесь нет работы. Просто выросло другое поколение, которое перестали привлекать идеи первых кибуцинов. Но тема взаимоотношений отцов и детей заслуживает отдельного разговора. И об этом позже.

А мы продолжим о развитии села, теперь уже не еврейского, а арабского. В шестидесятых-семидесятых оно резко контрастировало с новыми поселениями. Там — дома, тут — домишки. А в них — многодетные семьи, плохая еда, низкий уровень жизни. Что делать? Правительство не заставляло их модернизироваться. Все произошло само собой. Арабы видели жизнь соседей и старались использовать их достижения. Сейчас в семьях не по десять человек, как было, а по три-четыре ребенка. Оказалось, что самый верный путь сократить прирост до приемлемого — сделать население богатым и образованным.

Позже мы побывали в арабском поселении — Тире, расположенном по соседству с нашим институтом. Были в школе, в которой учатся дети не четыре года, как раньше, а двенадцать. Заходили и в дома, похожие на дворцы. Хозяин одного из них демонстрировал свой бизнес: снимает на заказ очень популярные тут “свадебные фильмы”, а для местной телесети — рекламные ролики и новости, при этом обеспечивая работой несколько человек. Его соседи тоже нашли себе дело дома. Развивают бизнес на банковские кредиты и собственные доходы.

“Какова роль государства в модернизации сельского хозяйства?” — спрашивали мы их. “Должно развивать инфраструктуру. И прежде всего нужны хорошие дороги”.

Почему дороги засыпало песком?

Израильские — в отличном состоянии. Машины по ним до наступления жаркого сезона ездят с включенными фарами, и кажется с непривычки, что мчит по дорогам нескончаемая правительственная колонна. Здесь опасаются туманов, в этом тонкость. Что касается пустыни Негев, то ее влияние сводится к минимуму. Громадные площади засажены лесами. Нет в стране человека, который не посадил бы дерева. Нас, иностранных журналистов, тоже к этому приобщили.

Лесопосадки были организованы как большой праздник. Был концерт, пели “звезды”. А потом по взрослому лесу мы прошли на новый участок, в котором нас ждали сотни лунок. Опусти в лунку свой саженец, присыпь землей, полей заранее заготовленной минералкой. Вот и весь процесс, на память о котором вручают каждому флажок и сертификат: “Я посадил дерево!” Так формируется бережное отношение к окружающей среде.

Цветок сорвать полевой — Боже упаси. Прежде всего не позволят дети. У них уроки любви к природе — с детского сада и по университет. Они и воспитывают тех родителей,

кто не осознал. Выедут всей семьей в выходной куда-нибудь за город, вдохнут разнотравья, полюбуются и ничего не тронут. Так в Израиле на практике осуществляют один из принципов успешного общения, которому и нас учили: “Люди должны сами захотеть что-то сделать или чего-то не делать”. Сами! Тогда будет успех. Касается ли это вопросов охраны окружающей среды, развития аграрных регионов или… создания международной журналистской организации.

Эта идея — создать на основе нашей группы организацию — появилась у Роберта. Когда его представляли: “Вот принц Камеруна”, он отказывался: “Я принц одной камерунской деревни”. Скромность украшает, и Роберт пользовался среди коллег искренней симпатией. Но его идею, продвигаемую в течение месяца, мы отклонили. “Принц, зачем нам организация — чтобы обмениваться информацией? Это можно делать без всяких бюро и президиумов — через Интернет!”

На одном из занятий нам уже показали возможности Интернета, заодно мы получили возможность выбора. И в итоге пришли к тому, что нам разъясняли на лекциях: “Идея должна овладеть массами!” Кстати, был пример и по Камеруну, когда идея массами не овладела: ”Для развития аграрных регионов правительство закупило пестициды и удобрения. Но прежде их тут не применяли. Что сделали с ними крестьяне? Свалили на обочинах дорог, как мусор”.

Не менее любопытным был пример об усилиях Всемирного банка во имя сбалансированного развития. В семидесятые годы этим банком было принято решение помочь бедным странам. Выделил деньги для строительства дорог в Африке. Через два года построенные дороги таковыми быть перестали. Их засыпало песком, и никто не собирался их поддерживать. В конце концов финансисты поняли: “Ни одна страна в мире не может развиваться на деньги Всемирного банка. Только сами страны, если захотят, могут решить свои проблемы”.

С тех пор общая сумма финансовой помощи сократилась с сотен до десятков миллиардов долларов. А уж если предоставляется, то при выполнении ряда условий. И то верно: зачем давать инвестиции на развитие туризма, если в стране убивают туристов, зачем давать племени деньги на строительство дороги, если оно намерено воевать… “Представьте проект, обоснуйте и реализуйте!”

Один из таких проектов представило, обосновало и реализовало министерство сельского хозяйства Непала. “Оно заключило с сельским населением договор по использованию государственного леса”. Этот факт привел банковский эксперт, побывавший во многих странах Азии и Африки, в том числе и в Непале. Тут проблема состояла в том, что лес безжалостно вырубался.

Бишну, моя соседка по аудитории, приехавшая из Непала, согласно кивала головой: “Да, была у нас такая проблема”. А мне подумалось, что касается она и лесных угодий Узбекистана, где в высокогорье нет иного топлива кроме запрещенных для вырубки пород. Мне приходилось бывать на ответственных заседаниях, когда высокие чины разводили руками: “Не знаем, что делать”. А вот на каких условиях договорились крестьяне и чиновники в далекой горной стране. Крестьяне пообещали не уничтожать молодые деревья, строго следовать указаниям лесников и вести лесопосадки. При этом они получили преимущества при покупке продуктов, четверть суммы от заготовленного государственного леса поступает в непальскую деревню. Теперь они хотят сохранить лес!

Джейн не хочет в кооператив

В журналистской команде, собравшейся по приглашению израильской стороны, наблюдался явно “мужской” перевес. Местные начальники сказали по этому поводу, что обычно они стремятся его минимизировать. Но то ли женщины-журналисты в странах

Азии и Африки в меньшинстве, то ли мужчины, по обыкновению, женщин оттеснили. Нас в группе оказалось восемь. И прежде всего мы наладили контакты друг с другом. Токс — высокая и импозантная, Аннекс — смешливая и заводная, Джейн похожа на русских красавиц, статная, с сияющими глазами, но с множеством мелких косичек и шоколадной кожей. Эти новые подруги приехали из Африки, а остальные из Азии. Наши страны — Китай, Филиппины, Непал, Узбекистан.

Сможем ли мы, когда вернемся домой, общаться друг с другом через Интернет? Я спросила Джейн о компьютерах в ее редакции. Есть? Есть, но до сих пор она считала, что может без них обойтись. Теперь-то обязательно освоит! Джейн — радиожурналист. Работает в сельскохозяйственном колледже, готовит радиопередачи для села. Ее страна — Танзания — стала независимой в 1961-м. Были коммуны, которые довели людей до нищеты, их сменили кооперативы. “Они успешны?”

У нас есть время для разговора. Автобус везет нас на экскурсию, за окном проплывают пейзажи. Фабиан, веселый долговязый парень, помогающий нам акклиматизироваться в здешней жизни, по ходу комментирует: “Эта гора — вовсе не гора, а многолетняя свалка мусора, с которой никто не знает, что делать. Последнее решение — засыпать ее землей и засадить деревьями. А вот за колючей проволокой — пятизвездочный отель для преступников. Его только что отстроили. У входа лозунг: “Добро пожаловать!” Фабиан шутит, и в ответ все смеются. Но то, о чем говорит коллега из Танзании, совсем не смешно.

Чего стоит хотя бы ее пример с зубной пастой “Колгейт”. В первые годы независимости в стране запретили импорт. Тогдашний президент говорил, что нельзя поддерживать иностранцев, покупая их товары. В магазинах было пусто, а за то, что пользуешься импортной зубной пастой, попадали в тюрьму, да не как тут в белостенную ”пятизвездочную”, а куда похуже…

“Вы не могли импортировать, а экспортировать?” “Недавним правительственным решением наши кооперативы получили право продавать свою продукцию за рубеж без посредников. Но это положение пока не работает”. Джейн говорит о своей родине и тут же спрашивает: “А как у вас в Узбекистане?” С торговлей хлопком примерно также. Впрочем, параллели трудно проводить. У стран разная история.

В Танзании после провозглашения независимости все имущество иностранцев национализировали. Больницы, школы, университеты стали бесплатны для населения. На этой волне и Джейн, родившаяся в деревне, получила образование. Но сочли, что “бесплатно — безответственно”, и несколько лет назад новый президент отменил этот порядок.

В ее колледже, где учащихся было более тысячи, сейчас занимается только двести студентов. В деревнях денег у родителей нет, и многие дети в школы не ходят. Молодежь хочет работать в городе, так как сельский труд крайне тяжел, и уровень жизни несравним. Но что делать малограмотным? Побудут прислугой и, потеряв работу, возвращаются в деревни. А тут порядок такой. Собрав зерна кофе, крестьяне сдают его в кооператив, тот сдает урожай в кооперативный союз, имеющий право на экспорт. Союз расплачивается с кооперативами, беря банковские кредиты. До крестьян доходят гроши. Их, занятых в крупных, подконтрольных государству кооперативах, — восемьдесят процентов населения.

Накануне на лекции нас, журналистов, убеждали в том, что не может быть успешной кооперация, “навязанная” крестьянам сверху. В качестве примера приводились и советские колхозы, и вьетнамские кооперативы. А теперь журналистка из Африки привела свой пример. Но время на расспросы закончилось, автобус затормозил. И мы оказались в

мошаве — местном кооперативе. “Он успешен?”

Три гектара — в самый раз!

“Все зарубежные опыты скопировать мошав были неудачны, — в который раз нам напомнили о вреде копирования.- Этот кооператив успешен, но есть много других, которые развалились”. Признаться, эта информация поставила в тупик. Сколько раз мы слышали, что три процента населения кормят всю страну. Но как это им удается, если и коммунистические кибуцы, и капиталистические кооперативы борются за выживание, а кое-какие даже разваливаются?

“Потому и удается. Они конкурируют в успешном ведении бизнеса. И само по себе объединение фермеров в кооператив вовсе не означает процветание”. Об этом говорит местный агроном и он же здешний фермер Пинхас Корен. Доходчивости ради, предлагает представить, что и мы — здешние фермеры. Представляем и узнаем, что 95 процентов всей земли принадлежит государству, которую оно сдает в аренду на 49 лет. Если хозяйства успешные, то почти автоматически договор пролонгируется. Фермерские участки в среднем по стране составляют три гектара. Их нельзя разделить — участок получает лишь один из наследников.

Куда деваться остальным? Они могут жить, где угодно, и в мошаве тоже. Если фермер согласен отдать часть земли под строительство домов, то государство выплачивает ему компенсацию. Что произойдет, если фермер плохо хозяйствует? Он может “продать” свое право на аренду, при этом две части от выручки получит государство…

Итак, мы — фермеры. Мы выращиваем капусту и хотим продать ее с прибылью. В этом случае нам выгодно скооперироваться. Но при продаже молока — нет, потому что нас и так объезжает частный автомобиль. Другое дело, если этот “молочник” монопольно поднимет цену, тогда мы скооперируемся и наймем подходящего. Агроном напомнил нам, что объединяются фермеры не потому, что распорядился президент или премьер-министр, а потому, что “мы — страшные эгоисты и стремимся к личному успеху”. Каждый планирует и выращивает, что хочет. Есть ли государственное регулирование? Есть. Государство ограничивает производство молока, потому что коровы тут дают по десять тысяч литров в год и надо сохранять баланс между производством и потреблением. И точно такие же ограничения есть по производству бройлеров. А вот как государство стимулирует производство цветов для европейского рынка. При условии, что фермер будет производить цветы определенного вида, центральный банк на пять лет предоставляет ему кредит. Если фермер успешен, то через пять лет кредит ему прощается. Не случайно Израиль вышел на третье место на европейском цветочном рынке после Голландии и Колумбии.

Мы забросали агронома вопросами. “А если у нас разная по качеству земля?” “Самая плохая земля на границе с пустыней. Ну так там и дают фермерам в аренду по четыре-пять гектаров. Благодаря современным технологиям все участки могут производить достаточно продукции”. “А как с водой?” “Река Иордан, наполняющая Галилейское море, — единственный источник для всей страны. Поэтому

сельскохозяйственная вода лимитирована, и ее покупка у государства требует кооперации".
Общее достояние находится в резервуаре, который отпускает влагу по приказу компьютера. Кстати, если в Африке и в Азии еще не все журналисты осознали преимущества компьютера, то тут это чудо есть в каждом доме. В мировой компьютерной сети фермеры отслеживают цены, узнают о новых технологиях, ведут переговоры. Впрочем, об этом мы уже слышали, и нас этим не проймешь. Что удивило, так это автозаправка. Она предназначена только для своих и работает в автоматическом режиме по сигналу магнитных карточек. Что еще есть свое? Магазин, сдаваемый в аренду продавцу, платный детский сад. Кто управляет кооперативом? Выборный комитет, но за зарплату работает только его секретарь. Для ста десяти кооператоров, считают, штат достаточный.
Мы, привыкшие к глобальным масштабам, узнав о числе фермеров в мошаве, разочарованы: "Он совсем не большой!" А нам в ответ: "А зачем — большой?"

Могут ли преуспеть неграмотные?

Один из лекторов на международных журналистских курсах очень сокрушался, что в Африке свыше половины неграмотных и у этих людей нет шансов продвинуться. Большинство из нас, слушателей, восприняло это как аксиому. Но Самсун из Кении не согласился: "Я знаю неграмотных, которые успешно ведут свой бизнес!"
У Самсуна — солидный журналистский стаж, к тому же он любитель поспорить. Но лектор спорить не стал: "Поверьте, неграмотным и малообразованным крайне трудно продвинуться. Стране, чтобы быть впереди, нужны свои ноу-хау. Покупая технологии, вы всегда будете отставать". В качестве примера привел Германию: "После второй мировой войны она была разгромлена, но остались мозги!"
Как выяснилось, в Кении об этом известно — здесь принят закон об обязательном восьмилетнем образовании. Вторая ступень — еще четыре года — оплачиваемая. Школы есть и государственные, и частные. Система поступления в вузы примерно такая же, как в Израиле. Набрал нужное количество баллов — выбираешь подходящее учебное заведение, куда и поступаешь без экзаменов.
Мы уточняем детали касательно наших стран в перерывах между лекциями. Какие же они непохожие. Кения — мирная страна, здесь нет внутренних распрей. А вот Уганда сколько лет воюет… Танзания больше не воюет, но закупает вооружение, и у нее нет средств бесплатно учить детей даже четыре года. "На каком языке ведется обучение в Кении?" — спрашиваю Самсуна. "75 процентов населения читает и пишет на государственном английском, примерно 20 процентов — на суахили. Может, и неправильно, что государственный язык — не национальный. Но, выбрав английский, мы избежали межплеменной вражды".
"Почему в Уганде по-другому?" Самсун пожал плечами: "Тебе надо приехать хотя бы на пару недель, чтобы узнать нашу жизнь. Я-то сам много езжу, у нас квалифицированная работа хорошо оплачивается. А как в Узбекистане?"
О том, как в странах бывшего Союза обстоит дело с "мозгами", разъяснил лектор. Он подчеркнул, что в СНГ высокая степень образованности, однако на нынешнем этапе идет отток образованных и за рубеж, и в торговлю, и на неквалифицированную работу. Но без собственных ноу-хау новые независимые государства широко шагать не смогут. Что касается журналистов, то их миссия состоит в том, чтобы нести читателям, зрителям, слушателям эту и много другой информации.

"Правда иногда не презентабельна"

Манмат из Индии рассказал, как государство вело борьбу с телевизионными "тарелками"

и проиграло: они есть даже в деревнях. Китаянка Фиби в продолжение темы дополнила, как скрывалась информация о положении дел в сельском хозяйстве в ее стране в конце пятидесятых-начале шестидесятых. Тогда была засуха, и люди умирали от голода. Но даже Мао не знал истинной ситуации в провинции, потому что чиновники присылали ложную информацию, а пресса не могла говорить. “Мы не выдумываем информацию, но правда иногда не презентабельна, — поддержал египтянин Имат.- Вопрос в том, сколько правды мы можем сказать?”

Эту дискуссию затеял израильский коллега Затке Шаул. Тема соответствовала общему курсу: журналисты и журналистика — для развития аграрных регионов. Но мне показалось, что “лектор” счастлив возможностью не поделиться, как тут дела с прессой, а выпытать у нас, что могут средства массовой информации вне Израиля. “Мы поделимся, а он напишет”. Конечно, у него был корыстный интерес. Но волей-неволей и все остальные узнали немало любопытного.

В Индии, хотя пресса и выходит на 24 местных языках и государственном — хинди, но в большинстве своем она англоязычная. Английский давно стал в стране языком коммерции, и его широко используют не по политическим, как в Кении, а по экономическим мотивам. Полсотни телевизионных каналов плюс те, что ловятся “тарелками”, обеспечивают высокую информированность. Здесь масс-медиа престижны, и потому Манмат из бизнеса перешел в бизнес-журналистику.

А Стивен из Уганды вынужден был уйти из журналистики. Сейчас занимается пропагандой медицинской информации. Стивен черен, как ночь, он улыбчив и доброжелателен, и наверняка ему удается объяснять в деревнях, почему надо чаще мыть руки и как пользоваться контрацептивами. Но он сожалеет, что в его стране среди журналистов безработица.

Про безработицу в своей среде мы слышим впервые. И пристаем к коллеге с вопросами: “Почему? Прессы слишком много?” Слишком много неграмотных — одна причина. Другая… В стране есть национальный радиоканал, транслирующий новости. Но местные каналы передают только музыку и рекламу. В общем, работать негде. “Ваши журналисты сами виноваты! Были бы поактивней”, — сгоряча выступил кое-кто из нас. Впрочем, мы быстро сообразили, что не Стивен решает, сколько давать информации народу.

“У нас в Танзании тоже так было, — подтвердила Джейн. — Но когда играет музыка, люди не хотят работать, они хотят танцевать. Поэтому открыто четыре радиоканала, которые вдохновляют на труд”. “Есть ограничения на информацию?” “У нас хорошо ловится кенийское телевидение, но его программы смотреть запрещено. Дело в том, что мы отстаем от Кении в развитии демократии. И не всем это нравится. Но и запрет — не метод: чем больше запретов — тем больше коррупция”.

По конкурсу — честней

В Кении против коррупции борются ротацией. Каждую пятницу газеты публикуют информацию о вакансиях. Скажем, в вашей организации открылась вакансия. Не рассчитывайте, что займете ее именно вы, хотя, на первый взгляд, шансы высоки. Рассматриваются все кандидатуры.

Эту информацию Самсун и Ишмайл выдают в столовой в “эксклюзивном интервью”. Четвертым за нашим столом расположился Ильдар из Азербайджана. Услышав о том, как борются с коррупцией в Кении, он останавливает коллег и переходит на русский: “Я правильно понял, что у них все свободные места занимаются по конкурсу и при этом никто взяток не дает?” “Я тоже так поняла. Но давай уточним: “У вас никто не продвигает своих?”

В ответ Ишмайл пишет на листке название комитетов. Этот нанимает учителей, другой —

служащих общественных организаций, третий — чиновников в местные органы власти и городские советы. Есть комитет, нанимающий работников в суд, включая судей. Система конкурсов — мощное средство против коррупции.
Ее очень не любят и в израильских кибуцах. Тут ротация существует со дня их основания. Но “ее копировать нельзя”, повторили свою любимую фразу хозяева, знакомя нас с одним из кибуцев. Она и вправду на порядок ниже конкурсного подбора кадров, но опыт интересен.

Если станешь директором…

Шанс подиректорствовать в кибуце есть у каждого. Система такова: сегодня ты — начальник, но через три года мы поменяемся местами. Она хорошо работала, пока люди участвовали в сельхозпроцессе. А вот когда кибуц стал превращаться в индустриальное производство, появились проблемы. Справится ли парень, три года носивший с плантаций бананы, с директорством на деревообрабатывающем заводе? Еще сложней с подбором кадров на построенном в партнерстве с соседним кибуцем и германской фирмой заводе современных стройматериалов “Полигаль”. Не случайно, здесь срок до замены увеличили до семи лет и кандидатов будут подбирать только среди специалистов.
О системе ротации мне рассказала Валентина во время посещения школы для пожилых. Ее семья недавно прибыла из Молдовы. Сама Валентина — инженер-технолог швейного производства и совсем не старая. Повезло сразу устроиться по профессии. Здесь, в школе, она помогает первым кибуцинам, которым лет по восемьдесят, находить смысл в жизни. Они делают куклы, шьют ортопедические подушки и разную всячину, в общем, в охотку занимаются трудотерапией. Валентине тут нравится. Но через три года ей придется перейти на ферму или в столовую.
Чтобы понять смысл этих передвижек, надо проникнуться идеями равенства. Тут ведь не платят зарплаты. Какой бы пост ни занимал, получишь только “бюджет”. А он не зависит ни от качества, ни от количества твоего труда, а только от числа детей. Тут все еще главенствует коммунистический принцип, некогда популярный и в Союзе: “От каждого — по способностям, каждому — по потребности!” Но по потребности в кибуцах никто не получает. Молодежь хочет получать по труду, пользоваться не общественной машиной по предварительной записи, а личной.
Все чаще здесь повторяют: “Легко быть социалистом, когда беден, и трудно, когда богат и образован”. Очевидно, назрел конфликт отцов и детей. И многие всерьез озабочены: будет ли в этих островках коммунизма “четвертое поколение”?

Отцы и дети

В семье моих друзей Лены и Славы, прибывших в Израиль из Ташкента несколько лет назад, четыре поколения. Прабабушке — за девяносто, а младшей дочке — пятнадцать. Таким составом здесь никто не живет. Молодые отделяются от родителей сразу после службы в армии. В кибуцах им дают небольшое жилье и “бюджет” для обзаведения мебелью. Ну а все остальные граждане детям квартиры снимают или покупают.
Когда, вернувшись в Ташкент, я пыталась объяснить эту систему своим знакомым, они не поняли: “Зачем тогда детей растить, если старость коротать в одиночестве?!” Лена, понимая, что ее старость будет проходить вдали от детей, тем не менее на пороге сорокалетия мечтает еще об одном малыше: “Вырастет — пусть живет, как знает, а я буду жить в доме золотого возраста, это нормально”. Здесь так принято. Дома золотого возраста отличаются по степени комфорта. Есть очень дорогие и шикарные. Пожилые среди ровесников не скучают. Для полных сил организуются экскурсии и культпоходы, спортивные занятия и трудотерапия. А тем, кто нуждается, обеспечен надлежащий уход.
Лена боится заикнуться о том, чтобы поселить бабушку в таком доме: “Родители не

поймут”. Они не принимают здешних новаций. Когда она, измочаленная, приезжает с работы часов в десять вечера и у нее остается пятнадцать минут на общение с детьми, родители хотят, чтобы и им она уделила время. Ее девочки постепенно отвыкают от собственной мамы, свои пункты преткновений со старшими есть и у них. Но что значат эти конфликты по сравнению с теми, что назрели в кибуцах!

Почему здесь борются с традициями

В начале девяностых кибуцы отказались от детских спален. Изначально дети спали в одном месте, такой была философия общего воспитания. До поры до времени это нравилось и детворе. Но изменилось время, и традиция себя изжила. В тесных квартирах младшим нередко приходится спать на кухне: “Зато дома!” Теперь кибуцины борются против традиции коллективных трапез.

Прежде никто в семьях еду не готовил — трижды в день все отправлялись в столовую. В поселении, в котором побывала наша группа журналистов, как раз накануне прошло общее собрание, где спорили противники и сторонники традиции. В итоге отказались от общих ужинов, сохранив их лишь по вторникам, пятницам и праздникам: “Лучше ужинать семьей!” Раньше на праздничные обеды всех собирал звон колокола, теперь и эта традиция в прошлом.

Можно по-разному относиться к переменам, но здесь считают отказ от стереотипов условием развития. И какой бы мощной ни была идеология, но во главе угла стоит экономика. И уже не кажется незыблемым религиозный постулат, запрещающий труд в субботу. Нам рассказали о демонстрациях, которые провели в Иерусалиме левые, добиваясь права работать, и прежде всего — права торговать.

Эту традицию уже изрядно поколебали кибуцины. Им надо выживать в условиях рынка, вот и ищут способы. Берут кредиты, строят супермаркеты, теплицы, закусочные, сдают их в аренду и с полной загрузкой эксплуатируют в субботу. Местные власти не награждают их званием “кашерных”, но и без этой престижной вывески тут в выходной не протолкнешься. Субботние супермаркеты собирают население всех окрестных городков, а владельцы “кашерных” магазинов за закрытыми дверями от зависти кусают локти: “Зачем нам такая убыточная традиция?!” Не исключено, что добьются ее трансформации.

Блюдечка не ждите

Здесь многого добиваются. “Не ждите, — говорят израильтяне, — что правительство принесет вам решение на блюдечке с голубой каемочкой”.

Журналист Шаул держал нас в курсе его протестов против нахождения в Ливане израильских войск. На лекциях он объяснял, что только мирное государство способно самосохраниться, а в свободное время журналист… пикетировал. В первый раз полиция задержала его одного, во второй — четверых. Шаул гордо показывал нам крупные первополосные фотографии в газетах и предсказывал, что однажды за его и единомышленников протестами последуют важные правительственные решения.

“Говорите о том, чего хотите”, — побуждал и другой лектор, объясняя, как продвигать свои

проекты. Один из примеров показался один к одному с известным мне по Ташкенту. Так, на крыше супермаркета в Хедере сотовая телефонная компания поставила антенну. Населению соседних домов это не понравилось, и оно добилось демонтажа. В Ташкенте аналогичный инцидент был с сотовой антенной на крыше жилого дома. Жильцы добились, чтобы ее убрали.

Умение добиваться успеха здесь культивируют со школьной скамьи. И нам, иностранным студентам, выпал шанс потренироваться в достижении коммерческого успеха. С этой целью мы побывали в соседнем городке Кфар-Саба в обучающем центре местной неправительственной организации. Здесь школьники узнают о проблемах промышленности. “Неужели это им интересно?” “Отбоя нет”.

В этом центре читают детям лекции шестьсот волонтеров. Лекции — теория, но есть и практика. В компьютерном зале каждый подросток решает технические вопросы выпуска продукции. “Мы учим их получать продукт и при этом зарабатывать деньги”, — сказали нам, после чего предложили сесть за компьютеры по четверо и поупражняться. Для начала компьютер спросил, какую продукцию мы хотим выпускать. Наша команда выбрала производство свитеров для молодежи. Затем компьютер спросил: кто из нас будет отвечать за менеджмент, снабжение, производство, реализацию.

Он задавал очень много вопросов: какого качества мы хотим получить свитера, какого цвета, попутно информировал о ситуации на рынке. Мы отвечали на вопросы и продвигались по производственной цепочке. Когда на экране появился швейный цех, компьютер известил, что “оборудование вышло из строя” и предложил на выбор несколько решений. Следом предупредил, что дорогие свитера на рынке не раскупаются. Что предпринять? Время на исходе, но команды не хотели отрываться от компьютеров: “У нас еще есть шанс произвести и продать!” Потом выяснилось, что три команды выпускали свитера. Но с прибылью оказалась лишь команда Ву, остальные в убытке.

Мы анализировали, на чем прокололись, а мне подумалось, что неплохо организовать такие производственные уроки и для журналистов в Узбекистане. А то в своих статьях нередко учим предпринимателей, как им хозяйствовать, как избегать банкротства. Если б мы сами это умели!.. В нашей стране сейчас много неправительственных организаций. Может, найдутся среди них такие, что возьмутся за обучение коммерции на компьютерах. Когда научатся журналисты, бизнесмены и школьники, преуспеем.

Кому пригодится личный проект?

Теоретически реализовать эту идею может любой из нас. Нет денег? А спонсоры на что! Есть международные фонды, есть меценаты зарубежные и отечественные. Чтобы профинансировали, надо внятно изложить и объяснить общественную пользу предложения. Написать проект — не такое уж сложное искусство. Сначала нам объяснили механику этого дела, а финалом учебы на журналистских курсах в институте Гистадрут стали личные проекты. Условием было развивать не абстрактные идеи, а пригодные для реализации среди тех людей, с которыми работаем.

Поразительно, но какими разными они получились. Ильдар из Азербайджана был озабочен тем, как повысить тираж его сельскохозяйственного журнала, и посвятил свой проект этому. Ву и Фиби из Китая сделали проекты для развития компьютерных связей, “целевой группой” Джейн были девочки-школьницы, для которых она запланировала проект по предупреждению ранней беременности. Мой земляк Уктам предложил вариант развития информационной сети в Узбекистане. А принц из камерунской деревни, являясь одновременно главным редактором радио и телевидения в своем регионе, для сельских жителей разработал образовательный цикл по обучению их навыкам успешного общения.

Была защита проектов. Были каверзные вопросы и поиск ответов, когда продолжали

учиться обе стороны — авторы и оппоненты. А сейчас, задним числом, мне кажется, что продолжали учиться и наши учителя. И для них развигались границы мира, хотя все мы понимали, что наш опыт — не для копирования.

Наталия ШУЛЕПИНА

«Правда Востока»,1999г.

«Несколько сюжетов на фоне маловодья», 2002г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

29.04.2009